

Алла Боссарт

РОДСТВЕННИК ИЛЬИ

Ноябрь

Ноябрь, не отвлекая цветом,
жовто-блакитным бабьим летом,
спускает запахи с цепи.
В сырой, гриппозный лес ступи,
приникни к бурому кусту
вдохни до спазма остроту
до дрожи вымокшей коры,
вдохни до рези яд рябины,
как в балагане штукари
огонь глотают и рапиры.
Безумие на грани кича,
златая осень герметична,
яйцу подобно Фаберже,
в котором смерти ждет уже
она сама. Стоит без дна
стеклянная голубизна,
но запах переспелой ржи
из норки выманит полевку,
и та, конечно, побежит
промеж стеблей чертополоха,
и хвостиком махнет, и вскоре
яичко вдребезги расколется.
Финал, поклон, сквозняк кулис.
А дальше — длинный, как «Улисс»,
нас ждет загадочный обряд —
путь увяданья ноября,
за плюшем вытертых портьер
ветшают стылые хоромы.
Так гимназический портрет
томит богатством монохрома.
Непредсказуемость ненастья
освобождает нас от власти
надежд, амбиций и тревог
и лишним делает рывок,
или, точнее сказать, порыв
из одури глухой поры.
И век за веком меж перин,
на низких облачных полатах
лежит бессильный исполин —
Обломов в стеганом халате,
хранитель русской колеи.
(Илья и родственник Ильи).

Скрипит разбухшая калитка.
В лесу опять полно опят.
На даче, два убрав пол-литра,

как в раннем детстве, гости спят.
Мороз и солнце нам не светит.
Давай и мы с тобою, что ль,
уснем в обнимку, точно дети —

покуда не нагрязнул Штольц.

* * *

Я расскажу вам, как умирают собаки.
Они прячутся там, где не слышно шагов, свиста и речи,
на пустыре, в лопухах, где помойные баки,
закрывают глаза и уши, чтоб ничто не мешало готовиться к встрече.
Собачий бог — вылитый хозяин, но светлее и чище,
от него не пахнет табаком и водкой,
исключительно колбасой и другою небесной пищей,
и весенней землей, и песком, и перевернутой лодкой,
что сохнет на берегу среди водорослей и потрохов.
И пес, закрыв глаза, ждет и молится, как умеет,
прости меня Бог, за то, что нет у меня толковых грехов,
и мне даже покаяться не в чем, а лапы немеют,
и пусть мой самый любимый на этой земле двуногий
не очень страдает, пошли ему, Бог, второго,
а потом еще многих и многих.
А я устал. Где твоя лунная, как сало, дорога?
И он уходит по этой дороге, жемчужной, как окорок.
А ты находишь его наутро, твердого, будто полешко,
и закапываешь под кленом или где-нибудь около...
Может, так оно и полегше.
Но мой ангел умер у меня на руках,
и наутро я выпила как воду бутылку виски и еще коньяка
и почти умерла. Но он прислал замену —
ушастого, теплого, с глазами без зрачков, как черешни.
И я все боялась — а вдруг это измена?
Но мои вдовые друзья женятся и ничего, и безгрешны.

Экранизация

Ю. Норштейну

Суконная шинель неба застегнута
на верхнюю пуговицу оловянной луной
вся отсырела ветхая как у этого еб...того
про которого другой еб...тый снимает кино
гениальное как все знают и как знает каждый
кто дружит со своей головой
что кино он не кончит потому что однажды
лет через пятнадцать-двадцать опустеет дом угловой
и кто же будет высекать из камня бумаги
и приводить в движение
неподъемные колымаги

гениального изображения
и я это знаю знаю как и вы
набитые здравым смыслом
в ваших шинелях не ползут под пальцами швы
и он это знает ибо только дурак может быть оптимистом
а он мудр как дьявол как Буонарроти
проникший в секрет золотого сечения
и пока создает не думает о народе
а думает только о гении
открывшем что в петербургской метели
не бывает последнего шага
как нельзя достичь совершенства модели
что конечны только камень ножницы и бумага.